

ИСТОРИЯ

DOI: 10.17805/trudy.2018.1.8

ЗАПОЗДАЛАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА ПОСЛЕДНЕГО ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ*П. Ф. Алешкин**Журнал «Наша молодежь», г. Москва,**Ю. А. Васильев**Московский гуманитарный университет*

Аннотация: По оценке авторов, аграрная реформа П. Н. Врангеля была гораздо более глубокой и обширной в сравнении с его предшественниками. Однако у последнего Верховного правителя белой России не было ресурсов на проведение масштабных аграрных преобразований, сопоставимых по амбициям с реформами Столыпина и Александра II. Констатируется, что декларации реформатора не подкреплялись экономическими законами. Подчеркивается, что запоздалая попытка проведения преобразований не имела перспективы в исторический период краха Белого движения в условиях Гражданской войны в России.

Ключевые слова: Гражданская война; Россия; история России; крестьянство; Белое движение; П. Н. Врангель; крестьянский вопрос; аграрная политика

THE BELATED LAND REFORM OF THE LAST SUPREME RULER*P. F. Aleshkin**Journal «Our Youth», Moscow,**Yu. A. Vasiliev**Moscow University for the Humanities*

Abstract: According to the authors, the agrarian reform of P. N. Wrangel was much deeper and broader in comparison with his predecessors. However, the last Supreme ruler of White Russia did not have the resources to carry out large-scale agrarian reforms, comparable in ambition to the reforms of Stolypin and Alexander II. It is stated that the declarations of the reformer were not supported by economic laws. It is stated that the belated attempt to carry out the reforms had no prospects in the historical period of the collapse of the White Movement under the conditions of the Civil War in Russia.

Keywords: Civil War; Russia; history of Russia; peasantry; White Movement; P. N. Wrangel; peasant issue; agrarian policy

Авторы ранее писали о том, что в аграрной программе генерала П. Н. Врангеля были использованы механизмы столыпинских преобразований и земельной реформы 1861 г. (см.: Алешкин, Васильев, 2017: Электр. ресурс). Данная статья является продолжением публикаций авторов по теме; в ней освещается земельная реформа как часть аграрных преобразований Последнего правителя белой России.

Как отмечалось ранее, эти сюжеты не были представлены в опубликованных работах авторов. Они содержались лишь в диссертации П. Ф. Алешкина (Алешкин, 2012), научным консультантом которого являлся проф. Ю. А. Васильев. В диссертации крестьянский вопрос в Белом движении рассматривался в качестве одного из факторов крестьянского протестного движения (параграф 5.1). Диссертационный текст, имеющий весьма ограниченное распространение для массового читателя, не выполняет просветительскую функцию, поэтому вниманию широкой аудитории предлагается материал, переработанный в форме статьи в электронном издании, доступном для любого читателя — как специалиста, так и любителя истории. К тому же документальный материал, извлеченный из оригинального печатного источника — второй части «Записок» П. Н. Врангеля (опубликованных в 1995 г. по инициативе П. Ф. Алешкина) в данной статье заявлен и рассматривается в совершенно ином ракурсе — обосновании причин, почему крестьянство не стало социальной основой Белого движения.

Во врангелевской земельной программе сельские хозяева, в пользовании которых находилась земля, облагались выкупными сборами хлебом или деньгами в казну еще до ее укрепления в собственность, это правило распространялось во всех занятых Русской армией местностях, затем продолжали вносить сборы в установленном размере впредь до уплаты государству полной стоимости укрепленных участков. В случае невнесения сборов в срок участки неисправных плательщиков, неукрепленные в собственность и укрепленные, подлежали передаче распоряжением волостных земельных советов другим лицам, с правом укрепления за ними этих участков. Проведению земельной реформы благоприятствовало важное обстоятельство — низкая рыночная стоимость земли: крепкий крестьянин мог позволить себе приобрести земельный участок по дешевой цене. Нередко зажиточные крестьяне предпочитали покупать у владельцев земельные участки за обесцененные и ненадежные деньги, чтобы освободиться от выкупных платежей.

Земельная реформа Врангеля вводила своеобразную разверстку. Отдельными приказами были установлены порядок сбора хлеба, места и сроки ссыпки, определение количества ссыпанного зерна и разрешение вопросов об условиях замены зерна денежными сборами. Однако установленные в Приказе о земле нормы сборов за землю пришлось корректировать в сторону сокращения. Приказом от 26 июля 1920 г. о взносе денежных и хлебных платежей за землю на 1920 г. уста-навливалось: взносы должны производиться с посевной десятины (ранее определялась оплата с круговой десятины), в размере не свыше одной пятой фактического в текущем году урожая (вместо среднего за последние десять лет), к тому же видом зерна, который был засеян и собран (Приказ о земле требовал оплаты рожью или пшеницей); сборы должны были поступить владельцам имений (при их наличии), во всех остальных случаях — непосредственно в казну; взносы «скопщины» и денежные платежи зачитывались в качестве первого платежа государству в счет выкупной стоимости земли, окончательный расчет за которую с бывшими собственниками государство принимало на себя.

Врангель не мог отказаться от услуг состоятельных собственников, связанных

со сбором зерна и доставкой его собственным транспортом по месту назначения. Специального аппарата для проведения реформы у Врангеля не было: на это не было ни времени, ни средств. Сбор, устройство помещения для ссыпки хлеба и хранения пятой части урожая, вносимой в казну натурой, возложены были на волостные сельские правления под наблюдением начальников уездов (приказ от 26 июня 1920 г., распоряжение управления земледелия и землеустройства от 10 июля).

Текст Приказа о земле содержал поручение управлению финансов правительства Врангеля в срочном порядке разработать и представить на утверждение главнокомандующего «предположения об основаниях, порядке и сроках окончательного расчета государства с собственниками отчуждаемых земель». Предложения сводились к выдаче собственникам отчуждаемых земель свидетельств на право получения через 25 лет стоимости трех урожаев с уплатой в виде процентов ежегодно одной двадцать пятой от трех урожаев, или 4% годовых. Остальные два урожая, взимаемые с новых владельцев земли, предполагалось считать процентом роста за рассроченные на 25 лет взносы зерна. При этом три урожая должны были исчисляться не со всей площади земли, как ранее было установлено Приказом о земле для новых владельцев земель, а лишь с пахотной земли с соответствующим понижением платы за сенокосы и выпасы (утверждение предложений о расчете государства с собственниками отчуждаемых не состоялось вследствие разгрома армии Врангеля и эвакуации из Крыма).

Установленные с учетом интересов бывших собственников, выкупные платежи были велики: одна пятая урожая с десятины превращалась при трехпольной системе в три десятых с десятины посевов, а при распространенной в Крыму залежной системе — в половину, а то и более. Бывших помещиков и собственников земель волновал вопрос о цене за отчуждаемую у них землю. Форма оплаты имела существенное значение: в то время рыночная стоимость земли была крайне низка, земля являлась дешевым товаром — в Крыму она покупалась за бесценок. Поэтому актуальным являлось требование собственников отчуждаемых земель о нерыночной их оценке и натуральной форме оплаты.

Согласно Приказу о земле право собственности новых владельцев оформлялось в два этапа — аналогичный подход предусматривало Положение 19 февраля 1861 г. Вначале хозяевам, за которыми закреплялись земли, выдавались выписки из постановлений уездных земельных советов об утверждении представленных волостными земельными советами проектов закрепления. Данные документы, подобно уставным грамотам 1861 г., служили для новых собственников актами на право владения землей впредь до уплаты государству полной стоимости земель. После окончательной выплаты должен был наступить второй этап оформления собственности: выданные ранее выписки подлежали замене основанными на этих актах крепостными «бумагами».

Порядок проведения в жизнь Приказа о земле, по задумке его разработчиков, был установлен с расчетом, чтобы немедленно прекратить самовольную расправу с «захватчиками», в то же время предотвратить всякие новые земельные захваты. Осуществление реформы ориентировалось на минимально допустимое разрушение сельскохозяйственного производства, без разорения существующих хозяйств

и сокращения их сельскохозяйственной производительности. С этой целью 1-й статьей Приказа о земле устанавливалось правило: в районах, контролируемых Русской армией, «всякое владение землею сельскохозяйственного пользования независимо от того, на каком праве оно основано и в чьих руках оно находится (вероятно, подразумевалось, хотя не провозглашалось, также «право» захвата). подлежит охране правительственной властью от всякого захвата и насилия. Все земельные угодья остаются во владении обрабатывающих их или пользующихся ими хозяев».

20 июня 1920 г. П. Б. Струве, занимавший должность начальника управления внешних сношений в правительстве А. В. Кривошеина, направил в Париж председателю правительства Франции Мильерану письмо с изложением позиции Врангеля. В нем сообщалось: «Захват крестьянами поместных земель во всех случаях, когда он фактически имел место, должен быть признан. Вышеуказанное составляет отправной пункт для широкой аграрной реформы, долженствующей обеспечить крестьянам, обрабатывающим землю, владение ею на правах полной собственности. Таким образом, аграрная революция, происшедшая в пользу крестьян, будет легализована и поведет к установлению аграрного строя, основанного на принципах частной собственности, несомненно отвечающего чаяниям крестьян» (цит. по: Врангель, 1995: 139).

В каждой вновь занимаемой Русской армией местности земельный закон вводился в действие автоматически, без особого постановления. Создавшееся к тому времени фактическое владение землей признавалось нерушимым. Оно являлось исходным пунктом для дальнейшего применения приказа и с этого времени могло быть изменяемо только в порядке, установленном этим приказом. Последним предусматривались изменения в следующих случаях: возвращение законным собственникам захваченных у них земель из состава не подлежащих отчуждению и передаче земледельцам; удаление с участков лиц, признанных не имеющими права на закрепление за ними этих участков; признание необходимости изменения владения отдельных хозяев со стороны земельных советов в связи с предельными размерами закрепляемых участков, землеустроительными соображениями. Подобная размытая формулировка закона породила многочисленные возможности проявления произвола со стороны местных правителей и вернувшихся прежних хозяев-землевладельцев. Прежним владельцам могли возвращаться, по врангелевскому закону, захваченные крестьянами земельные участки, в том числе из земель сельскохозяйственного пользования, если они признавались «неотчуждаемыми». Чтобы сохранить сельскохозяйственное производство, предлагались следующие меры: при закреплении собственности в первую очередь передавать новым сельским хозяевам пахотные, сенокосные и выпасные угодья, которые к тому времени не обрабатывались или оказались заброшенными; каждому хозяину, засеявшему или обработавшему под посев землю, при всех изменениях землепользования, было бы обеспечено получение урожая его посева и вознаграждение за вложенный в землю труд по ее обработке. Волостным земельным советам позволялось брать в свое пользование необрабатываемые участки, сдавать их в аренду.

Земельный приказ Врангеля допускал также возможность перехода необрабатываемых или заброшенных угодий нерадивых хозяев к мелким земледельцам путем их покупки от прежних собственников по добровольным сделкам, которые должны были получить одобрение со стороны волостных земельных советов «для устранения обхода правил закона путем подобных сделок». Земли, перешедшие к земледельцам по указанным сделкам купли-продажи, не облагались выкупными платежами. Определение «мелкий земледелец» во врангелевском понимании подразумевало крестьянина-середняка, имевшего материальные возможности для приобретения участка земли и его обработки (Врангель, 1995: 83–87). Условие, связанное с одобрением сделки волостным советом, появилось не случайно: в состав этих советов входили лица, лояльные к власти.

Среднее и зажиточное консервативное крестьянство, являясь социальной базой врангелевской земельной реформы, должно было получить, по задумке реформаторов, подавляющее представительство в земельных советах, оно же должно было взять в свои руки и земское управление. Чтобы среднее и зажиточное крестьянство, увеличившее свое землевладение с помощью нового земельного закона, могло стать опорой государственной власти, его требовалось организовать.

Проведение в жизнь земельной реформы, согласно одобренному Врангелем первоначальному замыслу, предполагалось возложить на волостные земства. Проект о волостном земстве был разработан одновременно с проектом Приказа о земле. Однако Врангель принял решение возложить функцию по реализации реформы временно, до создания волостного земства и установления земской жизни на местах, на волостные и уездные земельные советы, учрежденные на один год. Для этого было издано приложение к «Приказу о земле» — Временное положение о земельных учреждениях. По положению о земельных учреждениях, члены волостных земельных советов (не менее 5 и не более 10 человек) должны были избираться волостными сходами, в состав сходов входили: все сельские старосты; выборные от сельских обществ и земельных товариществ по одному от десяти дворов; все частные владельцы, независимо от размера владения; представители от церковных и казенных земель и от земель, принадлежащих различным учреждениям. Волостной совет избирал председателя. Уездные земельные советы состояли из следующих персон: руководитель — уездный посредник по земельным делам (то есть назначенный представитель государственной власти), председатель уездной земской управы, мировой судья, представитель от ведомства финансов и избираемые волостными сходами представители от волостей. Указанным двум учреждениям (первое состоит из выборных лиц, второе смешанное по составу) были предоставлены полномочия по проведению земельной реформы. Уездные советы имели полномочия рассмотрения жалоб на действия волостных советов и определения норм землевладения в уезде.

Все земельные дела (производство обследований, установление норм, определение прав земледельцев на закрепление за ними земли, распределение земли, отвод участков, возвращение неправильно захваченных земель законным их собственникам) входили в компетенцию волостных и уездных земельных советов, только в двух случаях требовалось утверждение высшей правительственной вла-

сти: при установлении минимального размера владения сельскохозяйственными угодьями у земельного собственника при отчуждении его земли, при определении оснований оценки отчуждаемой земли. Губернский и уездные посредники, в качестве чиновников правительства, занимались координацией деятельности уездных и волостных земельных учреждений, контролем за их работой.

С утверждением 15 июля 1920 г. Положения о волостном земстве право избрания земельных советов перешло к волостным земским собраниям. В приказе декларировалась необходимость привлечь к организации земской жизни «новый многочисленный класс мелких земельных собственников из числа трудящегося на земле населения». Суть приказа выражалась в витиеватой формуле: «Кому земля, тому и распоряжение земским делом, на том и ответ за это дело и за порядок его ведения» (Врангель, 1995: 87–89). Председатель комиссии по разработке аграрной реформы Г. В. Глинка после одного из заседаний обратился к членам комиссии с примечательной речью: «Ну, вот, мы произвели скачок в неизвестность. Появятся новые земства, в которых будут заседать одни мужички, такие (он ладонью утер нос снизу вверх). А все-таки я верю, что такие (опять нос утирает ладонью) в конце концов спасут Россию» (Оболенский, 1991: 390). Земское самоуправление на данном основании рассматривалось в качестве прочной опоры государственного строительства. Текст приказа определил «новый многочисленный класс мелких земельных собственников» как «широкие круги хозяйственного крестьянства», призванные «к преобладающему участию в устройстве земского дела на местах». Восстановление волостного земства, упраздненного деникинским правительством, сопровождалось попыткой создания его обновленного образа.

В изложении Кривошеина, представленном для печати, подчеркивались принципиальные изменения земского самоуправления: деятельность уездного земства была перенесена на волостной уровень, уездное земство получало права губернского. В этом отношении, по утверждению Кривошеина, российский закон оказался прогрессивнее любого из западных. «Вместе с покойным П. А. Столыпиным, — отмечал Кривошеин, — я работал над поднятием экономического благополучия русской деревни. Я глубоко верил в ее здравый государственный смысл. Верю и теперь. Сейчас мы делаем необходимую смелую попытку устройства будущего земского и государственного порядка. Верим, что она приведет к оживлению национального культурного строительства» (Врангель, 1995: 91).

Однако обнародование временного положения о земском самоуправлении значительно отстало от земельного приказа, что затруднило проведение его в жизнь. Положения о волостном земстве дополнились положением об уездном земстве лишь в приказе от 12 октября 1920 г. Данные положения состояли в следующем. Гласные волостных земских собраний избирались сельскими избирательными сходами, в которых могли принять участие достигшие двадцатипятилетнего возраста «домохозяева», имеющие собственную надельную или иную землю и ведущие самостоятельное полевое или приусадебное хозяйство. Участниками сельского схода также становились все приписавшиеся по собственному выбору к ближайшему сельскому сходу: землевладельцы, по одному на каждое владение,

независимо от его размера; настоятели православных церквей, представители религиозных обществ всех исповеданий, если церкви и общества владели землей в пределах волости; арендаторы имений, проживавшие в пределах волости не менее трех лет, при наличии самостоятельного сельского хозяйства или торгово-промышленного либо фабрично-заводского предприятия; представители казенных и общественных учреждений, торговых и промышленных обществ и товариществ по одному от каждого, если эти учреждения, общества и товарищества владели в пределах волости недвижимой собственностью.

От каждого избирательного сельского схода, имеющего не менее 200 избирателей, выбирался хотя бы один гласный, общее число гласных в волости составляло от 20 до 40 человек. Избирательные сходы с числом избирателей менее 200, самостоятельных выборов не производили, а присоединялись к соседнему избирательному сходу. Избранные волостные гласные на первом же своем собрании избирали председателя, а затем волостную земскую управу в составе председателя и не менее 3-х членов. По желанию собрания должности председателя волостного земского собрания и волостной земской управы могли совмещаться.

Особым пунктом предусматривалось, что «в гласные могут быть избираемые только лица, имеющие право участия на избирательных собраниях». В результате вся сельская интеллигенция — учителя, врачи, фельдшеры, работники культурных заведений в деревне лишались права участия в волостных земствах: они оказались за чертой «домохозяев», которые получили избирательные права).

Формально волостным земствам было предоставлено широкое право самоуправления и независимое от администрации положение. Однако на председателя волостной управы возлагались административные обязанности волостного старшины, и в пределах функций волостного старшины он подчинялся уездному начальнику. Таким образом, фактически уездный начальник получил возможность оказывать давление на всю земскую деятельность в волости. Введение в состав гласных уездных земств всех председателей волостных земств (они же волостные старшины), создавало ситуацию, когда уездные земства в значительной степени попадали в сферу влияния администрации. Уездные земские собрания состояли из гласных, избираемых волостными земскими собраниями по два от каждого собрания в уездах с количеством волостей свыше 15, по одному — в остальных уездах. Кроме того, в состав уездного земского собрания на правах его членов входили: весь состав уездной земской управы и по одному представителю от каждой волостной земской управы уезда, по одному представителю от православной церкви, от одного из неправославных исповеданий в уезде, от управления земледелия и землеустройства. Уездные земские собрания избирали председателя собрания, председателя и членов уездной земской управы в количестве, определенном самим земским собранием. Волостные земские собрания, кроме управы, избирали также волостные земельные советы, состав и порядок действия которых определяются Временным положением о земельных учреждениях от 25 мая 1920 г., а также по одному представителю от волости в уездный земельный совет. Землеустройство в волости переходило в ведение волостного земства. Волостным и уездным земским собраниям принадлежала распоряди-

тельная власть и надзор за исполнительными органами. Волостные и уездные земские управы являлись исполнительными земскими органами, ответственными за выполнение решений земских собраний.

Между волостным и уездным земством функции распределялись следующим образом. Волостное земство отвечало за все земские сборы и повинности (денежные и натуральные), производило разверстку и надзор за выполнением повинностей по снабжению войск и населения продовольствием и фуражом, натуральных повинностей, хлебных и денежных и сборов за землю по Приказу о земле. На земство возлагалось решение вопросов землепользования через волостные земельные советы, а также организация содержания государственной стражи. Уездному земству предписывался контроль за выполнением повинностей волостными земствами; разверстка между волостями общегосударственных сборов. Вопросы создания губернских земств, определения их роли в системе земельных учреждений относились на будущие времена. Губернские земства упразднились, взамен уездным земствам предоставлялась возможность образовывать союзы по отдельным отраслям земского хозяйства. Однако осталась оговорка, связанная с предоставлением права уездным земствам, если они посчитают необходимым, создавать губернские земства (Врангель, 1995: 92–95).

Конструкция земского самоуправления во врангелевской реформе по сути упраздняла формулу старого дореволюционного земства, в котором значимая роль принадлежала сельской интеллигенции, заложившей основы земских традиций. Создавалось новое крестьянское самоуправление с преобладающим влиянием волостных старшин, подчиненных администрации. Выборы в волостные земства, проведенные в отдельных волостях, свидетельствовали об избрании в их состав, по признанию Врангеля, «домовитых, хозяйственных крестьян», а также крупных помещиков (там же: 250–251). Данный факт являлся иллюстрацией направленности врангелевской аграрной реформы на зажиточное крестьянство, «столыпинских» крестьян.

Земельный закон Врангеля, сформулированный академическим языком, оказался слишком сложен и непонятен для крестьянства. Он соответствовал условиям стабильного мирного времени, требовал длительного срока для реализации. В гражданском вооруженном и кровопролитном противоборстве востребовались популистские лозунги и обещания, адекватные желаниям народа. Аграрное законодательство Врангеля, даже в форме приказа о земле (отягощенное пространными приложениями, дополнительными приказами и положениями) указанным требованиям военного времени не соответствовало. К тому же земельная реформа, как масштабная социально-экономическая акция с идеологическим подтекстом, в ходе наступательных боевых действий войск Врангеля в Северной Таврии и на Украине до сведения населения в должной мере не была доведена.

Врангелевская администрация к началу задуманной реформы не располагала точными статистическими сведениями о количестве и качестве земли в уездах и волостях, о степени занятости трудового населения. Прежняя земская статистика претерпела серьезные изменения в результате свершившегося земельного передела. Революционные события перевернули привычные права собственности

и пользования с ног на голову. Результат врангелевских мероприятий заключался в получении крестьянами купчих крепостей. Однако крестьянину предложили «синюю бумагу с орлом» лишь после оплаты земли в течение 25 лет. Такая форма разрешения аграрного вопроса казалась крестьянину непривлекательной и, во всяком случае, не давала немедленного закрепления права собственности на землю. Крестьянство воспринимало реформу как фактическое закабаление крестьян на всю жизнь, связанное с необходимостью выкупных платежей в течение двадцати пяти лет, неприкрытым стремлением врангелевской администрации удовлетворить с помощью выкупных платежей интересы бывших землевладельцев.

Крестьяне, познавшие на собственном опыте в годы революции и Гражданской войны мимолетность многих правителей и недолговечность их обещаний, скептически отнеслись к прочности очередной по счету власти в лице генерала Врангеля. К тому же уверенность в ее силе быстро растаяла не только у населения, но и в самой Русской армии после того, как фронт покотился обратно к крымской горловине.

Приказ о земле и правила ее передачи новым владельцам не были восприняты, как к этому стремился Врангель, в самой Русской армии — пропагандистская работа в частях велась откровенно слабо. Сомнения солдат выражались в открытых разговорах с критикой реформы, требованиях бесплатного наделения землей, взимания сборов за землю в пользу государства, а не для прежних землевладельцев, раздела церковных земель (Российский государственный военный архив — РГВА. Ф. 198. Оп. 5. Д. 5. Л. 70, 73). Вопреки задуманной реформе «по закону», сам Врангель в ходе наступления в Северной Таврии и на Украине отдал приказ о реквизиции лошадей у крестьянского населения (РГВА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 909. Л. 21; Ф. 198. Оп. 5. Д. 5. Л. 25, 27, 99). Примечательно, что когда части Русской армии в сентябре 1920 г. заняли Александровский уезд, главную базу махновского движения, стали проводить реквизиции и мобилизации, рядовые участники махновщины — крестьяне потребовали от своих атаманов развертывания ответных боевых действий против врангелевцев. Возмущение махновских повстанцев стало серьезным побудительным фактором для заключения третьего по счету временного соглашения армии Махно с Красной Армией — о совместных действиях против Врангеля.

Примечательна оценка, которую дал Врангелю бывший командующий Вешенским восстанием Павел Кудинов, участник Гражданской войны в стане Деникина и Врангеля. В письме из эмиграции в адрес родных донских станичников летом 1922 г. он высказал собственное мнение: «...Русский народ, — писал Кудинов, — изголодавшись, исхолодавшись, без обуви и одежды, наверное, частенько подумывает: «Кабы был Врангель, так был бы и хлеб, и обувь, и одежда». По-моему, это просто ваша отчаянная галлюцинация. Вспомните времена Врангеля! Что он дал вам полезного в экономической жизни? Ровно — нуль... Я откровенно говорю не только вам, но каждому русскому труженику: пусть выбросит грязные мысли из головы о том, что здесь, где-то на полях чужбины, Врангель для вас готовит баржи с хлебом и жирами. Нет! Кроме намыленных веревок, огня, меча, суда, смерти и потоков крови — ничего!...» (цит. по: Кузнецов, 2001: Электр. ресурс).

Можно предположить, что печальный итог врангелевской реформы был предreshен. Конечно, сфера реально предпринятых усилий Врангеля в качестве белого правителя простирались гораздо дальше и глубже его предшественников. Однако декларации реформатора не подкреплялись неумолимыми экономическими законами. Собственных средств у крымского правителя едва хватало на текущие расходы, на проведение масштабной реформы ресурсов не было. Реформа, результат которой можно ожидать через поколения, волей истории ограничилась временными рамками менее полугода.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что единоличная власть Верховного правителя белой России объективно затормозила законотворческий процесс и легитимную возможность для утверждения аграрных проектов. Отнесение решения злободневных крестьянских проблем на неопределенное будущее, связанное с Учредительным собранием, олицетворяло отказ от конкретной программы насущного государственного обустройства в крестьянской стране. Нерешенность аграрного вопроса в условиях крестьянской страны проявилась в противоречии фактически свершившегося перехода земли в руки крестьян в ходе крестьянской революции 1917–1918 гг. и стремлением белых правительств удовлетворить интересы прежних собственников. Игнорирование существенных различий в крестьянском вопросе в Сибири и в европейской части России усугубилось расхождением теории решения земельного вопроса с практикой управления белых генералов, сопровождаемой насилием в отношении крестьянства. Врангелевская реформа, сопоставимая по амбициям со столыпинской и александровской аграрными реформами, олицетворяла собой попытку совместить невозможное: создать новую социальную опору в лице зажиточного крестьянства и одновременно удовлетворить интересы прежних землевладельцев–собственников, а заодно получить источник материальных ресурсов для нужд армии и государства.

Мотивационные аспекты сложившейся ситуации во многом объясняют обстоятельство того, что апогей крестьянской войны в России наступил в конце 1920 — начале 1921 г., после победы Советской власти над Белым движением и ликвидации военных фронтов (см.: Алешкин, Васильев, 2010, 2012). В данном случае сказалось не только усиление насильственных методов политики военного коммунизма со стороны Советской власти, но и осознание несбывшихся крестьянских надежд и невыполнения ожиданий после победы Советов над белыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешкин, П. Ф. (2012) Крестьянское протестное движение в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М.

Алешкин, П. Ф., Васильев Ю. А. (2017) Столыпинское дежавю генерала Врангеля [Электронный ресурс] // Научные труды Московского гуманитарного университета. № 6. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/622> (дата обращения: 26.12.2017). DOI: 10.17805/trudy.2017.6.6

Алешкин, П. Ф., Васильев, Ю. А. (2010) Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.). М. : Голос-Пресс. 576 с.

Алешкин, П. Ф., Васильев, Ю. А. (2012) Крестьянские восстания в России в 1918-1922 гг. От махновщины до антоновщины. М. : Вече. 400 с.

Врангель, П. Н. (1995) Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Часть II // Белое дело: Избранные произведения : в 16 кн. М. : Голос. 350 с. Кн. 5. Последний главком.

Кузнецов, Ф. Ф. (2001) Шолохов и анти — Шолохов. Конец литературной мифификации века Гл. 5. Голгофа Павла Кудинова. Литературный герой или реальный человек? [Электронный ресурс] // Наш современник. № 4. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2001&n=4&id=8> (дата обращения: 26.12.2017).

Оболенский, В. А. (1991) Крым при Врангеле // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев: в 6 т. / отв. ред. С. А. Алексеев. М. : Отечество. Т. 5. 456 с. С. 350–378.

Дата поступления: 20.12.2017 г.

Алешкин Петр Федорович — доктор исторических наук, главный редактор общероссийского журнала «Наша молодежь», член Русского интеллектуального клуба, член Союза писателей России. Адрес: 127486, Россия, г. Москва, Коровинское шоссе, оф. 6. Тел.: +7 (495) 625-44-61. Эл. адрес: aleshkin@list.ru

Васильев Юрий Альбертович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и регионоведения Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-55-81. Эл. адрес: historymosgy@mail.ru

Aleshkin Peter Fedorovich, Doctor of History, editor in chief of the Russian Journal «Our youth», a member of the Russian Intellectual Club, a member of the Writers Union of Russia. Postal address: 127486, Russia, Moscow, Korovinskoye highway, of. 6. Tel.: +7 (495) 625-44-61. E-mail: aleshkin@list.ru

Vasiliev Yuriy Albertovich, Doctor of History, a Professor of the Department of History and Regional Studies of Moscow University for the Humanities. Postal address: 111395, Russia, Moscow, ul. Youth, 5. Tel.: +7 (499) 374-55-81. E-mail: historymosgy@mail.ru

Для цитирования:

Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А. Запоздавшая земельная реформа последнего Верховного правителя [Электронный ресурс] // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 1. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/683> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.17805/trudy.2018.1.8